

3. X. 30

Дорогая Тетя

Тыся сестра Дина ходит в проминных икеманджах
встает рано ест много (рыба, ~~и~~ бьет)
спит много. Последний день кй время бьело
сонно, и не одно риза с много пресда ич кетимо
Дорогой. Тетяшка и мама как Млри а маме
Млри серебряные вран и друзья, Роме кибивам

и да Карсани. Миря ич хитим
бы шити Ва прикам. Хитибе ич

Ридесиво ич будущи леман.

Дина вринетис бернимо и а 17.

Ва иче собурамь ефелину и носмарамисе

Уартинь Гибес варисе

Млри too

Борис Поплавский

Флаги

НП «Центр современной литературы»

1926–1934

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6

Поплавский Б. Ю.

Флаги / Б. Ю. Поплавский — НП «Центр современной литературы», 1926–1934

ISBN 978-5-91627-263-5

«Флаги» Бориса Поплавского — один из важнейших поэтических сборников младшего поколения первой волны русской эмиграции. Он вышел в 1931 году, изменив лицо русской поэзии. Сюрреалистическая образность, трагическая интонация и муки эмигрантской судьбы воплотились в книге, открывающей для читателя образы «хореической смерти» (по М. Л. Гаспарову) и индивидуального стоицизма перед ее лицом. «Очарование стихов Поплавского — очень сильное очарование», — писал Г. Иванов, — «Силу "нездешней радости", которая распространяется от "Флагов", можно сравнить безо всякого кощунства с впечатлением от "Симфоний" Белого и даже от "Стихов о Прекрасной Даме"». По свидетельству Георгия Адамовича, Мережковский на одном собрании после смерти Поплавского сказал, что для оправдания эмигрантской литературы на всяких будущих судах с лихвой достаточно одного Поплавского. Сам Адамович писал, что Поплавский был «необычайно талантлив, талантлив "насквозь", "до мозга костей", в каждой случайно обронённой фразе». А о стихах его — что он был подлинно одержим стихами, был «Божией милостью стихотворец».

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-91627-263-5

© Поплавский Б. Ю., 1926–1934

© НП «Центр современной
литературы», 1926–1934

Содержание

Флаги Бориса Поплавского: долгий путь на родину	7
Dolorosa	12
Черная Мадонна	13
Diabolique	15
Последний парад	17
На заре	19
Жалость	20
«Розовый час проплывал над светающим миром...»	21
«Пылал закат над сумасшедшим домом...»	22
Роза смерти	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Борис Поплавский Флаги

Флаги Бориса Поплавского: долгий путь на родину

Эмиграция есть трагический нищий рай для поэтов, для мечтателей и романтиков...

*«О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции»,
1930*

Когда я впервые ознакомилась со сборником «Флаги», автор этих удивительных, завораживающих стихов был мне совершенно неизвестен. Борис Поплавский представлялся как «голый человек, вырванный из земли, как мандрагора». Стихотворения, не похожие ни на что, ранее известное, казались чудом, возникшим вне времени и пространства. Чем же объясняется столь долгое забвение личности и творчества «Монпарнасского царевича», «Русского Рембо», гремевшего в те годы на весь русский Париж? Именно в Париже, который он считал «родиной молодого эмигрантского человека», Поплавский сформировался как личность и как поэт, именно здесь он смог жить и творить свободно, здесь же, после его загадочной смерти, уцелел его архив, сбереженный в тяжелый военный период близкими друзьями – Диной и Николаем Татищевыми. Но всемирный катаклизм, который Поплавский предвидел – не зря почитатели приписывали ему дар ясновидения – положил конец русской эмиграции первой волны. Кроме того, еще при жизни автор «Мореллы» служил мишенью для советской критики. Некий Герман Хохлов, нападая на «молодых покойников» (Боженва, Поплавского, Ладинского), упрекал их в том, что они «тянут в небытие и отравляют своим трупным ядом все живое, что противостоит их социальной обреченности». Немудрено, что «Флаги» вместе со своим автором надолго попали в небытие.

* * *

Борис Поплавский родился 24 мая 1903 года в Москве, в довольно зажиточной и культурной семье. Родители Поплавского познакомились в консерватории: мать играла на скрипке, а отец – на фортепиано. Юлиан Игнатьевич Поплавский – человек несколько эксцентричный – был одним из любимых учеников Чайковского. Борис многое унаследовал от отца¹. Мать поэта, София Валентиновна, приходилась дальней родственницей Е. П. Блаватской и сама увлекалась антропософией, что оказало влияние на интерес Бориса к теософии и оккультизму. В семье, кроме Бориса, было ещё трое детей: старшие – Наталия и Всеволод и младшая – Евгения. Воспитывали их иностранные гувернёры. Старшая дочь Наташа, «авангардная» московская поэтесса, «лихорадочная меховая красавица»², позже погибла в Шанхае, приняв слишком сильную дозу опиума. Младшая дочь Евгения болела туберкулёзом. Для её лечения вся семья – за исключением отца – переехала в 1906 году в Европу и прожила три года в Швейцарии и Италии. Италия произвела сильнейшее впечатление на Бориса. Открытие античного мира отразилось позднее на его поэзии, в которой часто встречаются образы римских городов и итальянские пейзажи («Римское утро», «Стоицизм», «Древняя история полна», «Орфей» и т. д.).

За границей Борис настолько забыл родной язык, что по возвращении в Москву поступил во французский лицей Филиппа Неррийского, где и учился до революции. Он рано приистрастился к чтению и рисованию и стал писать стихи. В мир гашиша и кокаина, как и в мир поэзии, Бориса ввела его сестра Наталия, вращавшаяся в кругах литературной богемы, зло-

¹ Бурышкин П. А., «Москва Купеческая», изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1954, с. 255–257

² Марина Цветаева «Проза», Нью-Йорк, 1953, с. 239.

употреблявшей наркотиками. Сестре пятнадцатилетний Борис посвятил стихотворение «Караваны гашиша», предвещающее атмосферу «Флагов».

Летом 1918 года семья Поплавских временно разделилась. Софья Валентиновна со старшими детьми осталась в Москве, а Борис вместе с отцом уехал на юг, навсегда покидая Москву. В январе 1919 года состоялся литературный дебют начинающего поэта: он читает стихи в Чеховском литературном кружке в Ялте. В марте того же года Борис с отцом уезжает в Константинополь, но летом Поплавские возвращаются в Россию. В том же году Борис посещает литературный кружок «Никитинские субботники», где знакомится с молодым поэтом Георгием Штормом, разделявшим его интерес к мистике и теософии. Шторм вспоминал, как они с Поплавским посещали библиотеку Мореходного училища, где Поплавский читал Герберта Уэллса: именно Уэллсу посвящено единственное стихотворение Б. Поплавского, опубликованное в России³.

В 1920 году Борис с отцом проделал «вторую эвакуацию».

Прибыв в Турцию, Борис Поплавский поселяется с отцом на острове Принкипо в доме армянского патриарха. Именно здесь, в момент сильного духовного кризиса, юный поэт обращается к православию и перестает употреблять наркотики, хотя позже и случались срывы. С Принкипо Борис с отцом переезжают в турецкий квартал Бешик-Таш, около живописного летнего дворца «Фламур». В это время в Константинополе насчитывалось 150 тысяч русских (в 1924 году их осталось не более 10 тысяч) – и легко было вообразить, что это какое-нибудь предместье Одессы.

Отныне Борис посещает русскую гимназию, читает творения отцов церкви и становится вегетарианцем. Он увлекается теософией и скаутизмом, вступает в теософскую организацию «Звезда на Востоке». В «Маяке» – русском очаге, организованном Союзом Христианской Молодёжи, Борис знакомится с Владимиром Дукельским, будущим американским композитором (известным под именем Вернон Дюк), дружит и с Лазарем Воловиком, будущим участником парижской группы «Через». Уже тогда Борис пленяет собеседника своими «сладкострунными» стихами, из которых «сочился странный яд». Юные любители поэзии создают «Цех поэтов», провозгласивший: «...Долой школу (акмеистов, имажинистов и проч.), ибо революция утвердила личность!»⁴.

В мае 1921 года отец с сыном уезжают в Париж, где поселяются в бедной гостинице на улице Жакоб. Борис посещает Художественную Академию «Ля Гранд Шомьер» на Монпарнасе, сближается с группой молодых художников. Вскоре завязывается дружба юного поэта с Константином Терешковичем. Поплавский пишет с натуры, но также пробует свои силы в модном тогда кубизме: пишет супрематические картины. По вечерам вся компания собирается в кабачке «Хамелеон», где вскоре возникает кружок «Гатарапак», являвшийся, по словам Давида Кнута, первым коллективным начинанием русской творческой молодежи в Париже.

На Монпарнасе Борис знакомится с Ильёй Зданевичем, чья незаурядная личность сразу привлекает его, и с Михаилом Ларионовым, ставшим его верным другом. Известно, что Ларионов оказал большую финансовую помощь для посмертного издания «Снежного часа» (1936 г.). Тяга «молодой пишущей братии» к художникам объясняется её драматическим положением – невозможностью печататься и отсутствием среды: не зря Поплавский пишет о «полурукописной литературе».

Вместе с К. Терешковичем, которого он считает своим учителем, в ноябре 1922 г. Поплавский отправляется в Берлин изучать изобразительное искусство. Там он знакомится с Белым, Пастернаком и Шкловским, которые поддержали его как поэта, посещает «Дом

³ Альманах «Радио», Симферополь, 1920 год.

⁴ По статье «Константинопольские издательства», Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940 гг.), том 2, ч. II, с. 40, Москва, 1997.

искусств», где встречается с Маяковским, пишет рецензию на работы русских авангардистов, выставившихся на «Первой русской художественной выставке», организованной издателем журнала «Штурм» Германом Вальденом.

Именно в Берлине Поплавский поставил крест на своей художественной карьере, но, «не найдя прямого воплощения, художественное дарование Поплавского со временем становится знаменательной составной частью его поэтического видения мира»⁵.

Мать Поплавского с сыном Всеволодом воспользовались НЭПом, чтобы вырваться из Советской России, Женя умерла от туберкулёза: вернувшись в Париж в начале 1923 года, Поплавский жил вместе с семьей на улице Барро, в маленьком павильоне под номером 22-бис, примостившимся на крыше огромного гаража фирмы «Ситроэн». На верхнем этаже жила Дина Шрайбман, которая вскоре стала подругой Поплавского.

В эти годы, 1923–1925, Борис сближается со Зданевичем, участвует во всех начинаниях группы «Через», сплотившейся вокруг «Тифлисского футуриста». К тому времени «лирическое величие уже выделяло Поплавского»⁶: он признан тесным кругом друзей и гремит на Монпарнасе, но доступ к «толстым» журналам ему закрыт из-за «левизны» и экспериментов в области языка. Попытка Сергея Ромова издать «Дирижабль неизвестного направления» не удается из-за отсутствия средств, что Борис переживает болезненно. Желая разрушить стену отчуждения и привлечь внимание публики, наконец «войти в жизнь», Поплавский удаляется от Зданевича и начинает свою стремительную общественную карьеру: печатается в разных журналах, завоевывает признание со стороны Георгия Иванова, Адамовича, и в свою очередь становится «учителем жизни» своих Монпарнасских собратьев.

Эмигрантская пресса вдруг замечает, что в изгнании уже успело образоваться «младшее поколение» литераторов.

В 1931 году наконец выходят «Флаги» – благодаря помощи вдовы состоятельного рижского дельца Лидии Харламповны Пумпянской. Книга «Флаги» была набрана по старой орфографии в Таллине. Борис Поплавский, находившийся в Париже, был лишен возможности изучить корректуру, и в книге допустили большое количество опечаток, полностью исправленных впоследствии⁷ и, конечно, отсутствующих в данном издании. «Флаги» вызвали много откликов, восторженных или уничижающих (В. Набоков), но никого из критиков не оставили равнодушным.

«Очарование стихов Поплавского – очень сильное очарование», – констатировал Г. Иванов. [...] Силу "нездешней радости", которая распространяется от "Флагов", можно сравнить безо всякого кощунства с впечатлениями от симфоний Белого и даже от "Стихов о Прекрасной Даме"⁸. Критики расходились в определении движущего элемента поэзии Поплавского. Глеб Струве, например, считал, что «сюрреалистический мир Поплавского создан "незаконными" средствами, заимствованными у "чужого" искусства, у живописи». Другие же, полагавшие, что «поэзия Поплавского часто и по существу более живописна, чем музыкальна» (Цетлин), не ограничивались констатацией внешнего сходства, т. е. общих с Шагалом, Пикассо или Де Кирико тем (цирк, акробаты, ангелы, башни), а шли дальше, отмечая это родство на уровне творческой техники. В противовес Цетлину Марк Слоним подчёркивает, что «этот голос, бога-

⁵ Богословский А. «Легенда Бориса Поплавского», Русская Мысль, Париж, 1992. № 3946. С. II.

⁶ Зданевич И. «Покушение с негодными средствами», с. 3.

⁷ Поплавский Б. «Стихотворения», Книжница-Русский Путь-Согласие, Москва, 2009.

⁸ Иванов Г. «Борис Поплавский. «Флаги»», Париж, изд. «Числа», 1931, № 5, сс. 231–233.

тый интонациями, нежными и вкрадчивыми, поёт так чудесно, что забываешь обо всём, кроме обольстительного напева»⁹.

В свое время Сирин (Набоков), разбирая, или, скорее, громя в своей рецензии «Флаги» – о чем впоследствии будет сожалеть – всё же приводил в качестве удачных стихов цитату из «Мореллы», где «соблазняет слух мимолетная интонация». В 1951 г. Набоков отречется от своего первого отрицательного отзыва: «Я не встречался с Поплавским, который умер в молодых годах. Он был далекой скрипкой среди близких балалаек. Я никогда не забуду его заунывных звуков, так же, как я никогда себе не прощу той злобной рецензии, в которой я напал на него за ничтожные погрешности в еще неоперившихся стихах».

По свидетельству Георгия Адамовича, Мережковский на одном собрании после смерти Поплавского сказал, что для оправдания эмигрантской литературы на всяких будущих судах с лихвой достаточно одного Поплавского. Сам Адамович писал, что Поплавский был «необычайно талантлив, талантлив "насквозь", "до мозга костей", в каждой случайно обронённой фразе». А о стихах его – что он был подлинно одержим стихами, был «Божией милостью стихотворец».

В 1931 году публикация в «Числах» (№ 5) последней главы романа «Аполлон Безобразов» вызвала гневную отповедь Дмитрия Мережковского. Незадолго до смерти Поплавский закончил свой второй роман – «Домой с небес». Остальные сборники стихов поэта вышли уже посмертно. На деньги, собранные благодаря продаже картин из личной коллекции Поплавского и щедрой помощи его друга, художника Михаила Ларионова, Н. Д. Татищев выпустил книги «Снежный час» (1936 г.) и «В венке из воска» (1938 г.). Уже в 1965 году, к тридцатилетней годовщине смерти поэта, его душеприказчик издал сборник «Дирижабль неизвестного направления». Лишь в 2009 году в Москве вышло в свет полное собрание сочинений «Орфея русского Монпарнаса» в трёх томах.

* * *

Поэт – это «мист подземного экстатического культа», заявляет Поплавский.

Как же пишется стихотворение? Погрузившись в сугубо интимное, личное, следует с максимальной точностью улавливать и передавать колеблющуюся, неустойчивую стихию внутренних озарений, переживаний, мимолетных ощущений. Для этого Поплавский овладел приемом «автоматического» письма, заимствованного у Джойса и сюрреалистов. Добытые «образы-сигналы», согласно Поплавскому, соединяются в более сложные конструкции: от дерева к синему дереву или к стиху «дерево моей жизни грустит на горе». В результате создается странный образ, передающий ощущение автора, но, предупреждает Поплавский, «только дух музыки сообщает этой конструкции движение, колыхание, нарастание и скольжение, без которого стихотворение превращается в грубую энигматическую живопись, как иногда у Есенина». По меткому замечанию Ходасевича «Поплавский идет не от идеи к идее, но от образа к образу, от словосочетания к словосочетанию – и тут именно, и только тут проявляется вся стройность его воззрений, не общих, которых он сам до конца не выработал и не осознал, но художественных...»¹⁰.

Образ-символ, передающий мимолетные видения и мистические озарения – это мост, перекинутый одновременно и к «иным мирам», и к читателю.

⁹ Слоним М. «Книга стихов Б. Поплавского», Воля России, 1931, №№ 1–2, сс. 192–194.

¹⁰ Ходасевич В. «Литературные статьи и воспоминания», Нью-Йорк, 1954, с. 242.

Елена Менегальдо

Dolorosa

На балконе плакала заря
В ярко-красном платье маскарадном,
И над нею наклонился зря
Тонкий вечер в сюртуке парадном.

А потом над кружевом решетки
Поднялась она к нему, и вдруг,
Он, издав трамвайный стон короткий,
Сбросил вниз позеленевший труп.

И тогда на улицу, на площадь,
Под прозрачный бой часов с угла,
Выбежала голубая лошадь,
Синяя карета из стекла.

Громко хлопнув музыкальной дверцей,
Соскочила осень на ходу,
И, прижав рукой больное сердце,
Закричала, как кричат в аду.

А в ответ из воздуха, из мрака
Полетели сонмы белых роз,
И зима, под странным знаком рака,
Вышла в небо расточать мороз.

И танцуя под фонарным шаром,
Опадая в тишине бездонной,
Смерть запела совершенно даром
Над лежащей на земле Мадонной.

1926–1927

Черная Мадонна

Вадиму Андрееву

Синевели дни, сиреневели,
Темные, прекрасные, пустые.
На трамваях люди соловели.
Наклоняли головы святые,

Головой счастливою качали.
Спал асфальт, где полдень наследил.
И казалось, в воздухе, в печали,
Поминутно поезд отходил.

Загалдит народное гулянье
– Фонари грошковые на нитках, —
И на бедной, выбитой поляне
Умирать начнут кларнет и скрипка.

И еще раз, перед самым гробом,
Издадут, родят волшебный звук.
И заплачут музыканты в оба
Черным пивом из вспотевших рук.

И тогда проедет безучастно,
Разопрет и празднику не рада,
Кавалерия, в мундирах красных,
Артиллерия – назад с парада.

И к пыли, к одеколону, к поту,
К шуму вольтовой дуги над головой
Присоединится запах рвоты,
Фейерверка дым пороховой.

И услышит вдруг юнец надменный
С необъятным клешем на штанах
Счастья краткий выстрел, лёт мгновенный,
Лета красный месяц на волнах.

Вдруг возникнет на устах тромбона
Визг шаров, крутящихся во мгле.
Дико вскрикнет черная Мадонна,
Руки разметав в смертельном сне.

И сквозь жар, ночной, священный, адный,
Сквозь лиловый дым, где пел кларнет,
Запорхает белый, беспощадный

Снег, идущий миллионы лет.

1927

Diabolique

Виктору Мамченко

Хохотали люди у колонны,
Где луна стояла в позе странной.
Вечер остро пах одеколоном,
Танцовщицами и рестораном.

Осень вкралась в середину лета.
Над мостом листья оранжевели,
И возили на возках скелеты
Оранжеды и оранжереи.

И в прекрасной нисходящей гамме
Жар храпел на мостовой, на брюхе,
Наблюдал за женскими ногами,
Мазал пылью франтовские брюки.

Злились люди и, не загорая,
Отдавались медленно удушью.
К вечеру пришла жара вторая,
Третью к ночи ожидали души.

Но желанный сумрак лиловатый
Отомкнул умы, разнял уста;
Засвистал юнец щеголеватый
Деве без рогов и без хвоста.

И в лиловой ауре-ауре,
Навсегда прелестна и ужасна,
Вышла в небо Лаура Лаура
И за ней певец в кальсонах красных.

Глухо били черные литавры,
Хор эриний в бездне отвечал,
А июль, как Фауст на кентавре,
Мертвый жар во мраке расточал.

Но внезапное смятенье духов,
Ветер сад склоняет на колена,
Тихий смех рождается под ухом,
Над вокзалом возникает глухо:

Королева ужасов Елена.

А за нею Аполлоны Трои,

С золотыми птицами в руках,
Вознеслись багровым ореолом,
Темным следом крови в облаках.

А луна поет о снежном рае...
Колыхался туч чернильных вал,
И последней фразою, играя,
Гром упал на черный арсенал.

И в внезапном пламени летящем,
Как на раковине розовой, она
Показалась нам спокойно спящей
Пеною на золотых волнах.

Последний парад

Лилии Харлампиевн Пумпянской

Летний день был полон шумом счастья,
Молния сверкала синей птицей.
Выезжали из пожарной части
Фантастические колесницы.

А сквозь город под эскортом детским,
Под бравурный рев помятых труб,
Проходила в позах молодецких
Лучшая из мюзик-холльных трупп.

На широких спинах коней пегих
Балерины белые дремали.
И пустые гири на телеге
Силачи с улыбкой подымали,

Солнце грело вытертые плюши,
А в тени пивных смотрели рожи,
Их большие розовые души
Улыбались музыке прохожей.

Был в толпе красивый шелест яркий,
Блеск весенних праздничных костюмов.
Пьяные кричали с белой арки.
Улыбался сад, цвести раздумав.

Ночь пришла, и клоуны явились.
Счастье жизни хохотало труппе,
Музыканты-лошади кружились
С золотой стрекозой на крупе.

Но потом огонь блеснул в проходе,
Львы взревели, поднимаясь дыбом,
Как на океанском пароходе —
Люди дрались в океане дыма.

И со всех сторон огнем объятый,
Молодой американец нежный
На кривой трубе сыграл бесплатно
Похоронный вальс и безмятежный.

А потом упал и задохнулся.
А костер огромный, разрастаясь,
Облаков тычинками коснулся

И потом в рассветной мгле растаял.

А на утро в ореоле зноя
Над театром, отошедшим в вечность,
Сад раскрылся розовой стеною
В небесах пустых и безупречных.

1927

На заре

Валериану Дряхлову

Розовеющий призрак зари
Возникал над высоким строем.
Гасли в мокром саду фонари,
Я молился любви... Озари!
Безмятежным своим озареньем.

По горбатуму мосту во тьме
Проходили высокие люди.
И вдогонку ушедшей весне
Безвозмездно летел на коне
Жесткий свист соловьиных прелюдий.

А в лесу, на траве непримятой,
Умирала весна в темноте.
Пахло сыростью, мохом и мятой.
И отшельник в шубенке косматой
Умывался в холодной воде.

1927

Жалость

Солнечный свет, я к тебе прикоснулся, но ты не заметил,
Ты не проснулся, но лишь улыбнулся во сне.
Странно молчали последние сны на рассвете,
В воздухе реял таинственный розовый снег.

Ангелы прочь отлетали от лона земного.
Им, натрудившимся за ночь, пора было спать.
Целую ночь они пели у мира иного,
Спящие же не спешили и пятились вспять.

Раннее утро сияет прохладой,
Спящие лица румянцем марая.
Моют и чистят преддверие ада
И ворота закрывают у рая.

Юноша нежной женою взлелеян,
Гладим прозрачной девичьей рукой.
Друг мой. Ты верен жестокой? Я верен!
В вере в нее Ты обрящецъ покой.

Розовый ветер зари запоздалой
Ласково гладит меня по руке.
Мир мой последний, вечер мой алый,
Чувствую твой поцелуй на щеке.

Тихо иду, одеянный цветами,
С самого детства готов умереть.
Не занимайтесь моими следами —
Ветру я их поручаю стереть.

«Розовый час проплывал над светящим миром...»

Розовый час проплывал над светящим миром.
Души из рая назад возвращались в тела.
Ты отходила в Твоем сверхъестественном мире.
Солнце вставало, и гасла свеча у стола.

Розовый снег опадал в высоте безмятежной.
Вдруг Ты проснулась еще раз; но Ты никого не узнала,
Странный Твой взгляд проскользил, удивленный и нежный
И утонул в полумраке высокого зала.

А за окном, незабвенно блистая росой,
Лето цвело и сады опускались к реке.
А по дороге, на солнце блистая косою,
Смерть уходила и черт убежал налегке.

Мир незабвенно сиял, очарованный летом.
Белыми клубами в небо всходили пары.
И, поднимая античные руки, атлеты
Камень ломали и спали в объятьях жары.

Солнце сияло в бессмертном своем обаянье.
Флаги всходили, толпа начинала кричать.
Что-то ужасное пряталось в этом сиянье.
Броситься наземь хотелось, забыть, замолчать.

1928

«Пылал закат над сумасшедшим домом...»

А. Минчичу

Пылал закат над сумасшедшим домом,
Там на деревьях спали души нищих,
За солнцем ночи, тлением влекомы,
Мы шли вослед, ища свое жилище.

Была судьба, как белый дом отвесный,
Вся заперта, и стража у дверей,
Где страшным голосом на ветке лист древесный
Кричал о близкой гибели своей.

Была зима во мне, и я в зиме.
Кто может спорить с этим морем алым,
Когда душа повесилась в тюрьме
И черный мир родился над вокзалом?..

А под землей играл оркестр смертей,
Высовывались звуки из отдушин,
Там вверх ногами на балу чертей
Без остановки танцевали души.

Цветы бежали вниз по коридорам,
Их ждал огонь, за ними гнался свет.
Но вздох шагов казался птичьим вздором.
Все засыпали. Сзади крался снег.

Он город затоплял зарею алой
И пел прекрасно на трубе зимы,
И был неслышен страшный крик фиалок,
Которым вдруг являлся черный мир.

1928

Роза смерти

Г. Иванову

В черном парке мы весну встречали,
Тихо врал копеечный смычок,
Смерть спускалась на воздушном шаре,
Трогала влюбленных за плечо.

Розов вечер, розы носит ветер.
На полях поэт рисунок чертит.
Розов вечер, розы пахнут смертью,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.